

ХРИСТИАНСКИЕ АНТИНОМИИ В СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ

© Л. Н. Татарина

*Кубанский государственный университет
Россия, 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Тел: +7 (918) 273 22 57.
E-mail: tatarinova.lyuda@yandex.ru*

Проблема статьи основана на длительной традиции изучения категории «антиномия» в истории философии от эпохи античности до начала XX века. Особое значение имеет антиномическое мышление для духовной жизни в XX веке. Автор обращает внимание на то, что, например, в поэзии Томаса Стерна Элиота антиномии и парадоксы носят философский и религиозный характер особенно при постановке вопросов достижения Истины исключительно рациональным путем. Основным материалом для исследования в статье стали произведения современных поэтов России Олеси Николаевой, Сергея Круглова, Тимура Кибирова, Ольги Седаковой и Елены Шварц. В работе показано как нравственно-философские темы и описания духовной жизни героев стихов связаны с трактовкой идей произведений в форме антиномий. В статье обоснована мысль о влиянии антиномий мышления на эстетику и систему образов стихов российских поэтов. Статья позволяет выявить своеобразие творчества каждого из поэтов, чьи стихи проанализированы в работе. Автор статьи делает вывод о том, что современная поэзия придает традиционным антиномиям личный психологический характер, но, в то же время, проблематика и поэтика парадокса созвучна мышлению XX века в целом – с его катастрофичностью, духом сомнения и противоречия.

Ключевые слова: *антиномия, парадокс, духовная поэзия, духовные ценности, христианство, Спаситель, ирония, катастрофизм, философская поэзия, оппозиция, эстетика, поэтика.*

Идея антиномического мышления возникла еще в древней Греции (Платон, Аристотель), хотя там употреблялся термин *апория*. По-гречески он означает противоречие в законе или противоречие закона самому себе – ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование, и их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы. В европейской философии это понятие связано с учением Иммануила Канта, с его концепцией «вещи в себе» (убеждением, что человеческий разум не может выйти за пределы чувственного опыта). Кант предложил четыре основные антиномии: 1) Мир конечен – мир бесконечен; 2) каждая сложная субстанция состоит из простых частей – не существует ничего простого; 3) в мире существует свобода – в мире не существует свободы, но господствует только причинность; 4) существует первопричина мира (Бог) – не существует первопричины мира. Разрешение антиномий, по Канту, необходимо приводит к выводу, что человеческое познание встречает преграду, которую победить не может.

Гегель считал антиномии вполне естественными (тезис – антитезис – синтез), так как они отражают диалектический характер познания.

Совершенно особое значение имеют антиномии в *христианском мышлении*: они связаны с *непостижимостью основных догматов церкви, которые не могут быть поняты умом и по-*

этому должны быть приняты на веру. Христианские антиномии отражают также противоречивость человека, его греховность и одновременно принадлежность к Богу, чьим образом он является.

Евангелия полны различных антиномий (Василий Розанов называл их «темными лучами»). Иисус Христос пришел утвердить заповеди Моисея (а не отменить), в частности – «Чти отца и мать свою», но юноше, который отпрашивался на похороны отца, сказал: «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов»; Он проклял смоковницу, которой *не время было принести плоды*; на Тайной Вечери Он первым преподал причастие Иуде, предавшему Его и сказал: «Иди и делай, что задумал»; там же ученикам Иисус говорит еще одну загадочную фразу: «Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня»; Он победил *смерть смертью (смертию смерть поправ)*.

Антиномичны многие ситуации Ветхого и Нового Завета: Сатана (воплощение зла) – это бывший сияющий ангел; Спаситель родился от никому неизвестной девушки в пещере, где обитали овцы; въехал Христос в Иерусалим на ослике (не на коне); учениками Его стали простые рыбаки, а раввины предали на смерть своего Мессию; воскресение было возведено грешницей Марией Магдалиной; первым вошел в Рай преступник (раскаявшийся разбойник) и т.п.

Основная христианская антиномия содержится и в православном Символе Веры – «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, *видимым же всем и невидимым...*». Действительно, Бог видим (в своих проявлениях в природе, например) и одновременно невидим (непосредственно), и здесь нет никакого противоречия; одно не исключает другого. Логика уступает место диалектике.

Об этих особенностях христианского мышления замечательно писал русский философ Серебряного века *Павел Флоренский*. В своем фундаментальном сочинении «Столп и утверждение истины» он посвятил этой проблеме целую объемную главу (Письмо шестое. Противоречие). По мнению Флоренского, *Истина всегда есть антиномия*, в том смысле, что она не поддается постижению человеческим рассудком – «Для рассудка истина есть противоречие, и это противоречие делается явным, лишь только истина получает словесную формулировку. Каждое из противоречивых предположений содержится в суждении истины и потому наличность каждого из них доказуема с одинаковой степенью убедительности – с необходимостью. Тезис и антитезис вместе образуют выражение истины. Другими словами, истина есть антиномия, и не может не быть таковою» [13, с. 147]. «А подвиг рассудка есть вера, т.е. самоотрешение. Акт самоотрешения рассудка и есть высказывание антиномии. Да и в самом деле, только антиномии и можно верить... Если бы истина была не – антиномична, то рассудок, всегда вращаясь в своей собственной области, не имел бы точки опоры, не видел бы объекта внерассудочного, не видел бы побуждения: начать подвиг веры. *Эта точка опоры – догмат*. С догмата-то и начинается наше спасение, ибо только догмат, будучи антиномичным, не стесняет нашей свободы и дает полное место доброхотной вере или лукавому неверию» [13, с. 148]. Это рассуждение сходно со знаменитым тертуллиановским «Верую, ибо абсурдно!».

Противоречивость связана также, по мнению философа, с особенностью человеческого сознания: Истина – едина («там, на небе»), но мы воспринимаем Ее по частям. «За что бы мы ни взялись, мы неизбежно дробим рассматриваемое, раскалываем изучаемое на несовместимые аспекты. Смотря на одно и то же с разных сторон, т.е. действуя разными сторонами ду-

ховной деятельности, мы можем придти к антиномиям... Антиномичность вовсе не говорит: «Или то, или другое не истинно; не говорит также «Ни то, ни другое не истинно». Она говорит лишь: «И то, и другое истинно, но каждое – по-своему; примирение же и единство – выше рассудка» [13, с. 160]. «Где нет антиномии – там нет веры» [13, с. 163].

Антиномии в средневековых сочинениях

Средневековые мыслители в большинстве своем прекрасные диалектики, многие из них учились этому у Платона и Сократа, но древнегреческая диалектика для Василия Великого или Григория Богослова лишь *метод*, который они применяют по-новому и к новому объекту. Уже у раннехристианского автора *Тертуллиана* (2–3 вв.) на парадоксах построены целые сочинения. В трактате «О свидетельстве души» автор пишет об интуитивном познании; душа знает и Бога, и демонов; «всякая душа по праву своему возглашает то, о чем мы не смеем и пикнуть. Стало быть, всякая душа заслуженно является *и виновницей и свидетельницей*, – и настолько же виновница заблуждения, насколько свидетельница истины, и в Судный день предстанет перед чертогами Божиими, не имея, что сказать» (курсив наш – Л. Т.) [11].

У *Григория Нисского*, одного из знаменитых каппадокийцев, антиномии служат для того, чтобы показать двойственность человеческой природы. В трактате «Об устройении человека» он пишет: «И да позволено мне будет, подражая ваятельному искусству, описать человеческий образ словом. Как между изваяниями можно видеть двулицые... так и человек, кажется мне, носит в себе до противоположности двоякий вид, в богоподобии ума изображая подобие божественной красоте, а в страстных стремлениях представляя близость свою к скотообразности. Но часто и разум, по наклонности и расположению к бессловесному затмевая в себе лучшее худшим, доходит до скотоподобия, ибо, как скоро до этого унижит кто мысленную деятельность и принудит рассудок стать служителем страстей, происходит какое-то превращение добрых черт в бессловесный образ и все естество изменяет свой вид, а рассудок, подобно земледельцу, обрабатывает начатки страстей и постепенно возвращает их в большем количестве...» [2].

У современника и соотечественника Нисского *Григория Богослова* антиномии и парадоксы также связаны с психологическими наблюдениями над особенностью характера человека. В проповеди, которая называется «О любви к бедным», Григорий Богослов призывает обратить особенное внимание на прокаженных как наиболее несчастных. Святой размышляет о значении тела для любого человека и о взаимосвязи тела и души. «Это тело, когда хорошо ему, поднимает войну; а когда воюю против него, ввергает в скорбь. Его я и люблю, как слугителя; от него же и отвращаюсь как от врага; бегу от него, как от уз, и почитаю его как наследника... Это ласковый враг и коварный друг! *Чудное соединение и раздвоение! Чего боюсь, того держусь, и что люблю, того страшусь. Не успею еще вступить в сражение, как заключаю мир; и не успею помириться, как уже опять начинаю брань.* Что это за премудрость открывается на мне и что это за великая» [1]. Автор считает, что такое положение дел дано нам для смирения. «Чтобы мы знали, что мы вместе и весьма велики и весьма низки, земны и небесны, временны и бессмертны, наследники света и наследники огня или тьмы, смотря по тому, на какую сторону преклоним себя? Так устроен состав наш, и это, сколько могу я видеть, для того, чтобы персть земная смиряла нас, если бы мы вздумали превозноситься образом Божиим» (курсив наш – Л. Т.). Прокаженные – это просто крайняя степень болезни, тре-

бующая от человека огромного смирения. Григорий Богослов называет их – *живыми мертвецами* (вот один из примеров средневекового оксюморона).

Оксюмороны использует и византийский богослов *Ефрем Сирийский*. Любовь к Богу он сравнивает с состоянием опьянения вином, называя это «*трезвым опьянением*» (!). «При сильном и божественном вожделении... человек начинает возбуждаться к божественной любви и сразу опьяняется ею как вином...». Такой парадокс близок *катахрезе* (метафора, рожденная сходством явлений материального мира).

Довольно много парадоксальных суждений мы находим у средневековых мистиков. Их антиномии призваны подчеркнуть непостижимость истины. Так у *Дионисия Ареопагита* в его «Мистическом богословии» представлен исключительно религиозный смысл этого понятия. Вот как звучит начало первой главы этой книги «Что такое божественный мрак?» – «О пресущественная, пребожественная и преблагословенная Троица, христианского богомудрия наставница! Вознеси нас на неведомую, пресветлую и высочайшую вершину познания Священнотайного Писания, где совершенные, неизменные и подлинные таинства Богословия открываются в *пресветлом Мраке* тайноводственного безмолвия, в котором при полнейшем отсутствии света, при совершенном отсутствии ощущений и видимости наш невосприимчивый к (духовному) просвещению разум озаряется ярчайшим светом, преисполняясь пречистым сиянием!» (курсив наш – Л. Т.) [3]. *Пресветлый мрак* – центральный оксюморон всего мистического богословия. «Божественный мрак – это тот неприступный Свет, в котором, как сказано в Писании, пребывает Бог», – пишет Дионисий Ареопагит в письме дьякону Дорофею. Неприступен он именно по причине ярчайшего света.

Таким образом, мы видим, что мышление антиномиями имеет прямое отношение к христианской религии, которая превосходит обыденное человеческое рассуждение, она связана с чудом, с верой в чудесное, с преодолением законов естества, поэтому ей и не подходит обычный, повседневный язык. Самым чудесным явлением (и в то же время реальным, историческим событием) является победа Христа над смертью, дарование вечной жизни верующим в Него. Богословские антиномии связаны именно с этим, они не являются просто логическими или риторическими фигурами (в этом их отличие от античных апорий).

Антиномии в духовной поэзии

Основатели «новой критики» американские писатели Роберт Пенн Уоррен и Клинт Брукс еще в 40-50 годы XX века писали о том, прием парадокса составляет саму сущность поэзии, так как поэзия всегда условна, она является полем вторых и третьих смыслов; «двусмысленность парадокса» призвана охватить сразу несколько сторон смысла, показать, что истина сложна. А другое знаменитое американское исследование 50-х годов «Теория литературы» Рене Уэллека и Остина Уоррена отмечает, что парадоксы и оксюмороны получили самое мощное и широкое воплощение в литературе барокко, так как это было «время христианских, мистических, плюралистических фигур. Истина сложна. Существует множество путей познания ее, и каждый по-своему хорош. Некоторые истины утверждаются через отрицание или заведомое искажение. О Боге можно рассуждать антропоморфически, поскольку Бог создал человека по своему образу и подобию; однако у Бога есть еще одна ипостась – трансцендентный «другой». Поэтому религиозное содержание, полнота истины в поэзии барокко выражается через образы-анalogии (Агнец, Жених), через пары взаимоисключающих понятий,

как «глубокий, ослепительный мрак» у Воэна. Классицисты предпочитали четкие границы между понятиями, продуманный порядок вещей, метонимическое движение от рода к виду или от особенного к виду. Стиль барокко охватывал ничуть не меньше, чем вселенную, вмещающую множество миров, неисповедимыми путями связанных между собой» [12, с. 214].

То, что говорят эти авторы о барокко, вполне приложимо и к современной духовной поэзии (и не случайно Ирина Роднянская называет стиль Елены Шварц поэтикой необарокко).

А самой показательной в классическом барокко XVII века является поэзия *Джона Донна*. Центральным мотивом в его творчестве являются разнообразные *аналогии любви и смерти*. Вот одно из таких стихотворений, которое, кстати, так и называется – **Парадокс**

Любви не предавайся безрассудно!
Познать ее нам трудно.
Любой влюбленный твердо убежден,
Что любит только он.
«Я полюбил!» – тут смысл предельно точен:
«Мой путь земной окончен!»
Любовь нас губит яростным огнем,
А смерть – недвижимым льдом.
Тот обречен, кто полюбил однажды...
Нет, мы не любим дважды!
Он только кажется живым с тех пор,
Обманывая взор,
И жизнь его мелькает перед нами,
Как меркнувшее пламя:
Хоть час назад дыхание ушло,
Но в теле есть тепло.
И я любил, и смерть меня сразила,
Я стал себе могилой.
И, разделяя мертвецов судьбу,
В любви я как в гробу. [4, с. 5]

Неслучайно *парадоксы и антиномии характерны именно для метафизической и философской поэзии*, в лирической поэзии романтиков чувство любви получает иное решение (сравни с Вордсвортом или Гюго). Духовная поэзия имеет большее сходство с первым, а не вторым направлением.

В европейской поэзии XX века этот тип эстетики мы находим в творчестве *Томаса Стерна Элиота*, который требовал от поэзии объективизма и отвергал слишком открытую и эмоциональную лирику романтиков. В своей поэме «Пепельная среда» Элиот называет Бога-Логоса – «Словом без слова» (The Word without a word)

– If the lost word is lost, if the spent word is spent
If the unheard, unspoken
Word is unspoken, unheard,
Still is the unspoken word, the Word unheard,
The Word without a word, the Word within
The World and for the world;

And the light shone in darkness and
 Against the Word the unstilled world still whirled
 About the centre of the silent Word [16, с. 122].

Здесь нет рифмы, но есть *ритм*, который Элиот считал важным организующим началом в поэзии, а поэтичность создается за счет созвучия слов *word* и *world* (*слово и мир*); в русском переводе эта внутренняя рифма пропадает, так как слова звучат по-разному. Образ Бога Элиот передает оксюмороном – *безмолвное Слово* (*silent Word*), тем самым подчеркивая непостижимость Бога.

В начале драматической поэмы «Камень» Элиот при помощи парадоксальных построений ставит проблему познания -

Бесконечные поиски и открытия
 Дают знанье движенья, но не покоя;
 Знанье речи, но не безмолвья,
 Знанье слов и незнанье Слова.

Знанье приводит нас ближе к незнанию (All our knowledge brings us nearer to our ignorance)...

Смысл заключается в том, что духовное познание – это особый вид знания, отличающийся от житейского опыта или научного открытия. Здесь опять появляется метафора *тишины, безмолвия* (*silence*). (Вспомним, что последние слова шекспировского Гамлета были – «дальнейшее молчание» или «дальше – тишина»).

Близка средневековой мысли антиномия *Невидимого Света* (*Light Invisible*), которая завершает мистерию «Камень» -

Мы смотрим со дна морского, глядим вверх.
 И видим свет, но не видим, откуда он.
 О Свет Невидимый, мы славим Тебя.

(В богословской литературе это был *Свет Неприступный*).

Много интересных авторских парадоксов в философской поэме Элиота «Четыре квартета». Один из них – образ Времени: *время все разрушает, и время все сохраняет* (*Time the destroyer is time the preserver*). «...путь вверх ведет вниз, путь вперед приводит назад» (*the way up is the way down, the way forward is the way back*). «*Что мы считаем началом, часто – конец... Конец – отправная точка*» (*What we call the beginning is often the end... The end is where we start from*).

Итак, очевидно, что антиномии и парадоксы в поэзии Элиота носят философский и религиозный характер – они призваны подчеркнуть непостижимость Истины исключительно рациональным путем, они призывают человека к смирению *мысли*, они предлагают удивляться окружающему нас творению и задумываться над ним.

Что касается русской духовной поэзии, то она с самого начала заявила о себе антиномиями: это знаменитые строчки из оды Державина «Бог» –

Я телом в прахе истлеваю,
 Умом громам повелеваю,
 Я царь – я раб – я червь – я Бог!
 Но, будучи я столь чудесен,
 Отколе произошел? – безвестен.

В современной поэзии антиномии многочисленны и разнообразны, но в основном они, также как и в английской духовной поэзии, сохраняют христианский характер.

Много различных оппозиций в творчестве известного поэта *Олеси Николаевой*. Ведущий современный критик Ирина Роднянская называет Олесю Николаеву «парадоксалистской» и даже «наставницей в парадоксах христианской антропологии» [9].

В стихотворении Николаевой «Соловей» «ничтожная, серенькая птичка» (так характеризует-ся герой произведения) – посол небесного прощения и радости, которую Господь дарует людям –

Ведь это же не ты, и не твоя
любовь перерастает мир, –
но если
великой немотою бытия
пустыня молится,
то лес слагает песни!

Автор предлагает нам две формы служения – «немоту пустыни» и восхваление Бога в песнях (поэзии). И обе они дополняют друг друга.

Парадоксален образ Распятого Спасителя в стихотворении Олеси Николаевой «Сердце – предатель»: не страдающего, а радостно обнимающего весь мир –

Сердце – предатель. Сердце – всадник и странник.
Сердце – охотник в засаде и зверь в загоне.
Сердце – старый дьячок, бубнящий под нос помянник.
И – чародей на троне!
И ростовщик! Шулер! Рабовладелец!..
И фарисей. И смертник. И смерд, бузящий в плацкарте.
Ну а паче – отшельник, безмолвник и погорелец.
И второгодник на самой последней парте!..
Сквозь роковые его перебои и перестуки,
сквозь кожаные мешочки его и платья -
только одно и поймешь: как ни раскинешь руки -
получается крест...
И Распятый распахивает объятья!

Крест чудесным образом вписан в противоречивую человеческую фигуру, он является в данном контексте символом любви и только любви!

На оппозициях построено и стихотворение Олеси Николаевой «Волна удачи». Здесь противопоставляются несчастный, неудачливый человек, пессимист – и человек, реализовавший себя во всем. Необычность состоит в том, что стихотворение написано от лица счастливого, который просит прощения за свое счастье, за свое телесное и душевное здравие –

Но больше всех прости меня, больной,
прости, калечный, и прости убогий,
за то, что рьян и крут румянец мой,
высок мой рост, неутомимы ноги...

Стихотворение заканчивается переворачиванием ситуации: «Но, может быть, волна, что всю меня закрутит и растратит, тебя подхватит и воздаст сполна, и – дай-то Бог! – тебе на время хватит!». Антиномия построена по классическому варианту: тезис – антитезис – синтез.

В стихотворении «Прощание с днем», где дан ряд бытовых зарисовок, заканчивается следующими строками –

Весь базар пересчитывал деньги,
но никто и нигде не считал
все обманы свои и паденья,
все, к чему этот день подстрекал.
Все, чем он искушал так успешно,
все, что он о себе гордил,
а теперь вон по морю неспешно
и легко, и светло уходил.
Наконец, где-то там, за горами,
притулившись и вовсе без сил,
он по небу в сияющей раме
черным грифелем нас очертил.

Здесь противопоставляются материальные и духовные ценности: люди считают деньги, но не подводят нравственные итоги дня (и всей жизни). Открытый морализм текста звучит как вызов модернистскому искусству.

Противоречивость любовного чувства показана в стихотворении Олеси Николаевой «Мольба о Грузии» –

От застывшего времени, где и звезда – неживая,
где себе я, как все, как и всем я – чужая! чужая! –
от *промерзшей любви*, где такая вмерзена мука
и такая оуклена боль, что ни стоны, ни звука (курсив наш – Л. Т.)

.....

Научи, помоги мне прожить *в новизне постоянства*
каждый день, как последний, навеки зажженный в
пространство.

Научи меня видеть «однажды» и в круге порочном,
помоги мне услышать гул вечности в небе полночном,
помоги, научи смуту жизни влить в слово тугое,
как в наитье своем ты Арагву сливаешь с Курюю... (курсив наш – Л. Т.)

Оксюморон *новизна постоянства* реализует авторскую мысль о необходимости видеть смысл в каждодневном, не бояться обыденного.

Диалектика великого и малого представлена и в ее стихотворении «Огонь» – Даже если и малую спичку зажечь,

темноту победит ее бледное пламя,
так насколько же огненной бедная речь,
если сердце вдруг овладевает устами!
Даже если и слово сказать за версту
можно так, что охрипшая даль отзовется,
так насколько ж во мне на холодном ветру
горячее любовь и острее сиротство!
И когда кто-то, к небу взывая, спасти

умоляет заблудшего в мире огромном,
то какой же огромный огонь на пути
разгорается над полуночником темным!

Сильное, искреннее чувство даже самого обыкновенного человека очень значимо и важно, и именно оно способно зажечь огонь в ночи.

Аналогии и парадоксы являются основными приемами и в стихотворении Николаевой «Свалка»: на свалку выброшены старые вещи (старые чувства), но вот вдруг они снова оказываются востребованными – и рама, и сундук, и заяц –

Жизнь продолжается, жизнь начинается снова;
то, что утрачено, вновь обретается; слово
вновь наполняется смыслом и хочет звучать.
Все, что отвержено, стало бесценным опять.
Так и в душе нарождается чудная сила:
то, растоптано, то, что поругано было,
снегом сияет, летит, не касаясь перил, –
словно бы кто-то ее подобрал-полюбил!

Таким образом, функция парадокса Олеси Николаевой – нравственно-философская: автор заставляет задуматься над простыми вещами, увидеть в них мудрые божьи законы, понять, что в мире ничто не бессмысленно, что в борьбе и противостоянии утверждается Добро и Гармония.

Несколько иначе выглядят антиномии в творчестве *Елены Шварц*. Ее поэзия более сложна и загадочна, трагические ноты и ирония не всегда разрешаются в катарсисе. Проследим, как это осуществляется в сборнике 1995 года «Песня птицы на дне морском». Парадоксально уже само название – разве может петь птица, лежащая на морском дне? И это не просто оригинальный, причудливый образ: здесь мы можем отметить и глубокий философский смысл – сопряжение понятий высоты и глубины, всеохватность и космичность *Креста-Птицы*. Два сквозных мотива этой книги – *смерть и Музы (поэзия)*. Музы эти весьма причудливы; описывая их в первом стихе сборника «ХОМО МУСАГЕТ» (Зимние Музы), поэт говорит:

Легче ветра, *темней света*
И шумней травы.

Ах, оставьте человека,

Позовите Бога вы (курсив наш – Л. Т.) [15].

Два оксюморона рядом усиливают мысль о необычности муз.

В четвертой части этого стихотворения мотив искусства предстает в образе *головы Орфея* (она приснилась лирическому герою во сне) –

Снега насыпьте в красный
Стакан с тяжелым вином,
Может быть, я забудусь
Горько-тяжелым сном.
Может быть, мне приснится
Орфеева голова –
Как она долго по морю
Пророчила и плыла.
Как ее колотило

Солью, и тьмой, и волной.

Как она небо корила

Черным своим языком.

И ослепляла звезды

Бездонным пустым зрачком (курсив наш – Л. Т.) [15].

Если Орфей олицетворяет Поэта или Музыканта, то в данном случае парадоксы помогают автору представить природу творчества как вопль человека из бездны, придавая стихотворению экзистенциалистское звучание.

Еще один жутковатый и парадоксальный образ в этом же произведении – *ледяной воробей (но живой)* –

Мы согрели его собой,

Синими языками

Молний живых, и на свет голубой

Дале рванулись.

А он плывет там и поет

На девяти языках,

С синим огнем в ледяной голове,

Невидимым в очах... (курсив наш – Л. Т.).

Здесь антиномии служат средством реализации мотива тайны и непостижимости мира, но поет у Шварц *воробей, а не соловей*.

В стихотворении «Мертвых больше нет» (этого же сборника) мы встречаем такой образ «*Руку нищий греет мертвый*

О судорогу в моей груди»

И еще – *Мертвые открывают глаза –*

О зажмурься! Воскресенье ударит!

Эти образы напоминают экзистенциалистскую поэтику Серена Кьеркегора в работе «Страх и трепет»: Шварц также предлагает удивиться Воскресению Христову, как Кьеркегор жертве Авраама.

Стихотворение «Последняя ночь» дает нам образы Апокалипсиса; один из них – танец звезд, которые должны – *Сей ночью блеском изойти,*

Сияньем проколоть глаза у мертвых

Души летят в вечность –

Но прежде, чем влететь в распахнутый огонь:

Не жги – молю – оставь мне малость,

И ангел говорит: оставь ее, не тронь,

Она вся *светлым ядом* *напиталась*.

«Светлый яд» здесь сопоставим с «сияющим мраком» Дионисия Ареопагита.

Почти все парадоксы и оксюмороны в книге Елены Шварц «Песня птицы на дне морском» связаны с противопоставлением и взаимопроникновением стихий *льда и огня, света и тьмы*. *Эстетика образов Елены Шварц носит остро драматический характер*.

Несколько иную функцию выполняют парадоксы и оппозиции в творчестве поэтов с иронической составляющей – *Сергея Круглова и Тимура Кибирова*.

В предисловии к сборнику Сергея Круглова (практикующего священника) «Народные песни» (2010) Борис Херсонский (также известный поэт) пишет: «Тема греха и святости про-

низывает все творчество о.Сергия, и в «Народных песнях» она приобретает парадоксальный характер, свойственный богословскому мышлению поэта. Вот небольшой цикл «Новомученики и исповедники российские XXI века». Здесь и заключенные, и инокиня, в прошлом акушер и бухгалтер... и восьмирукий паучок – приходский священник, каким изображает его антирелигиозный плакат, все восемь рук заняты текущими делами, а до школы, которую хотят защищать от него атеисты, у него просто руки не доходят...» (14, с. 12). Вместо пафоса, который обычно связан с образами мучеников, автор предлагает юмор: он показывает современных людей, конечно, не канонизированных, не прославленных церковью, но от этого их подвиг не кажется нам менее значительным.

В стихотворении «Дух уныния» С.Круглов предлагает необычную интерпретацию евангельской притчи о блудном сыне: сын возвратился, но почему?

Лучше уж так. Главное – здесь кормят.

Это главное. Это всегда было главным.

Разве не так? Вспомни! – убеждает себя младший,

Из-за того и вернулся.

Ведь верно же, верно? [5, с. 36].

При помощи иронии автор раскрывает особенность современного человека – его прагматизм.

В стихотворении «Егорий из Скотопригоньевска» деревенская церковь показана глазами молодого семинариста, который уехал учиться в большой город, и теперь свысока смотрит на все родное: у директора школы он осведомляется «не завели ли на приходе православного молодежного ночного клуба», критикует пение местного хора и старые иконы в алтаре, и тут... на его воротник «голубь в ответ, не утерпев, метко, смачно капнул» (имеется в виду изображение голубя – символа Святого Духа, которое изображается на Царских Вратах). Так юмором автор смягчает ситуацию, показывая ее как типичную для психологии молодости.

Гораздо более резкими красками окрашено стихотворение Круглова «Вам, боящимся мирового кризиса в конце года». Вот как описана корпоративная вечеринка -

И труп, одет в прозекторский глазет

И в мишуру, в то *мертвенно живое*,

Что ряженных несытых веселит,

Во тьму *агонизирующим взглядом*

Шаров стекляннодутых расписных

Уставился незряче... (Курсивом нами отмечены антиномии)

Всех простых, честных людей автор зовет в «прочь, в пустыню за волхвами».

Здесь парадоксами отмечена грешность современного мира.

Сергей Круглов любит неожиданные, парадоксальные концовки. Так, в стихотворении «Четырнадцать тысяч вифлеемских младенцев» евангельский эпизод показан с точки зрения ученого библеиста-скептика (он не верит, что было так), а в конце автор как бы невзначай сообщает, что он был слепым и глухим в физическом смысле (подразумевается – в духовном).

В стихотворении «Единорог и дева» грешница убегает от преследующего ее страшного единорога, а концовка такова:

скорчилась под стеной

лицо закрыла локтем

и тихо приблизившийся грозный единорог

осторожно ласково возложил
на колени в драных – шов пополз – сетчатых чулках
серебристую седую голову.

В «Вертепе, лубочной картинке» царь Ирод, удивляясь, почему никто не возвращается из Вифлеема, кряхтя достает свои разошедшие лыжи, чтобы тоже бежать туда.

Несмотря на все злое в мире, поэт предлагает нам улыбнуться, так велика его вера.

Парадоксальны финалы некоторых стихотворений *Тимура Кибирова*: в двух из них на фоне подробных описаний подвига Спасителя вдруг упоминается Иуда Искариот. В стихе «Ах, какая ночь, какая луна» последнее трехстишие звучит так:

Ах, какие сны, как тих небосвод.

Утирает Спаситель кровавый пот.

Приближается Искариот [6, с. 18]. Наш мир – это и мир подвига, и мир предательства.

В «Вертепе» рисуется умильная картинка рождения младенца-Христа, а последняя строфа звучит так:

А там, в Кариоте, младенец другой

Хватал губами сосок тугой,

А за морем там, далеко-далеко

Глотал материнское молоко

Тот, кто, дощечку прибавив над крестом,

Объявит Его Царем! (т.е. Понтий Пилат). [6, с. 32].

Так у Тимура Кибирова звучит проблема противостояния Добра и Зла.

Отдельный разговор можно вести об антиномиях *Ольги Седаковой*. Большое место занимают в ее творчестве средневековые *антиномии света и тьмы*. Эти две стихии и противоположны, и взаимопроникающи, и сложны, и просты –

И ты сияешь за пределом

той темноты, где я живу,

чтоб темнота похорошела

и сон увидел наяву

сиянье трезвое, густое,

сиянье бденья золотое

и помнящее про него –

как будто вся душа припала

к земле, с которой исчезало

любимейшее существо...

Свет и темнота в стихах Ольги Седаковой всегда идут рядом – то оттеняя, то дополняя друг друга –

Но горе! Наполняясь тенью,

любя без памяти, шагнуть –

и зренье оторвать от зренья,

и свет от света отвернуть! –

и вещество существованья

опять без центра и названья

рассыпалось среди других,

как пыль, пронзенная сознанием

и бесконечным состраданием
и окликанием живых...
Свеча бесценная, кошачья!
Ты наполняешь этот дом,
с которым память ходит плача,
как сумасшедший с фонарем.
Душа, венчая поколенья, –
не сон, враждебный пробуждению,
а только в сон свободный шаг.
И ты сияешь ночью дачной
в среде, для сердца непрозрачной...

Свеча – символ души, которая блуждает в ночи земной жизни, но иногда душа сама предстает как часть ночи –

Как зимний путь, так ты, душа, темна,
как странствие без оправданья,
ты Тени тень,
ты темноты волна,
как плача прочь идет она,
когда свеча нам зажжена
невероятного свиданья!

Встреча с Богом страшна для грешной души, и поэтому свет может быть пугающим для нее.

Сопряжение концептов *света* и *тьмы* в поэзии Ольги Седаковой очень разнообразно – Седакова может назвать свет – «влюбленным в тьму»; «глухонемым»; темноту – «факелом, туда, где свет, как кровь идет»; ночной дождь – «живым сияньем»; темный сад – местом, «откуда свет идет и скрипит по древним половицам».

Стремление к греху человеческого сердца хорошо показано Седаковой в стихотворении «Побег блудного сына» –

Пускай любовь по дому шарит,
и двери заперты на ключ –
мне черный сад в глаза ударит,
шатаясь, как фонарный луч.
И сад, как дух, когда горели
в огне, и землю клятвы ели,
и дух, как в древности, дремуч.
Ты жить велишь – а я не буду.
И ты зовешь – но я молчу.
О, смерть – переполнение чуда.
Отец, я ужаса хочу.
И, видимую отовсюду,
пусти ты душу, как Иуду,
идти по черному лучу!..
и, словно в глубине колодца,
все звезды вобрались в одну,
в одну, тяжелую от сходства.

Притягиваемую ко дну
 Так быстро, что она клянется,
 что выстрадает – и вернется,
 как тьму, съедая глубину
 и отражая до конца
 лицо влюбленного отца.

Человек сознательно уходит от Бога, он *жаждет ужаса*. Антиномии здесь имеют психологический характер: они показывают всю сложность отношений человека с его создателем, и всю испорченность человека, его тягу к злему; и как замечательно, что Отец (Бог) назван здесь не любящим (традиционное), а *влюбленным*. Эти отношения предстают как *драма любви – один способен любить, а другой – не способен и не хочет*.

Потому что вверх, как выпел,
 поднимает сердце благодать,
 потому что есть любовь и гибель,
 и они – сестра и мать.

Любовь и гибель неразрывно связаны как бы родственными узами (сестра и мать).

Парадоксы любви звучат в таких строчках

Горячей рукой моей жребий согрет –
 пустейшая вещь и всегда пропадала –
 но вот ее вынут и смотрят на свет,
 и видят: любить тебя, где тебя нет, –
 вот это удача, каких не бывало.

«Любить, где тебя нет», но где ты должен быть – можно добавить, т.е. любить в человеке лучшее, потенциальное, образ Божий в нем.

Автор диссертации о творчестве Ольги Седаковой Наталья Подрезова пишет следующее: «Парадокс в художественной системе Седаковой представляет *чудо* – центральную категорию поэтической антропологии, которая разрешает такие противоречия, как причастность веществу и зерно абсолютного бытия в человеке, ограниченность разума и творческие порывы...» [8]. Только все-таки не всегда эти антиномии разрешаются, скорее они обостряются.

Итак, мы видим, что антиномии современной поэзии заданы изначально богословием Евангелий. Бог умер – и воскрес, Господь видим – и невидим; человек – смертен и бессмертен, он – грешен и он – образ Божий. В то же время современная поэзия придает этим антиномиям личный психологический характер, переживает их заново; поэтика парадокса созвучна мышлению XX века в целом – с его катастрофичностью, духом сомнения и противоречия. Вполне объяснимо, что в Священном Писании современным авторам близка поэтика парадоксов, а не проповеди или пророчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорий Богослов. *О любви к бедным*. URL: http://mystudies.narod.ru/library/g/greg_naz/slova/14.htm
2. Григорий Нисский. *Об устройении человека*. URL: <http://www.pages.ru/Isn/0028.php>
3. Дионисий Ареопагит. *Мистическое богословие*. URL: http://lukashevichus.narod.ru/2Hristianstvo/Areopagit_Misticheskoe Bogoslovie
4. Донн Джон. *Стихи*. Кишинев, 1998.
5. Круглов С. *Народные песни*. М., 2010.
6. Кибиров Т. *Греко- и римско-кафолические песенки и потешки*. М., Время. 2011.

7. Николаева О. URL: <http://nikolaeva.poet-premium.ru>
8. Подрезова Н. *Концепция человека в поэзии О.Седаковой. Антропологический аспект*: автореф дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. **2003**.
9. Роднянская И. Новое свидетельство. Духовная поэзия. Россия. Конец XX – начало XXI века // *Новый мир*. **2011**. № 3–4.
10. Седакова О. *Стихи из разных книг*. URL: <http://modernpoetry.ru/main/olga-sedakova-stihi-iz-raznyh-knig>
11. Тертуллиан. *О свидетельстве души*. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/tertullian_tl.htm
12. Уэллек Р., Уоррен О. *Теория литературы*. М.: Прогресс, **1978**.
13. Флоренский П. *Столп и утверждение истины*. Т. 1. М.: Правда, **1990**.
14. Херсонский Б. Предисловие // *Народные песни*. М., **2010**.
15. Шварц Е. *Песня птицы на дне морском*. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts.html>
16. Элиот Т. С. *Стихотворения и поэмы*. М., **2000**.

Поступила в редакцию 15.11.2013 г.

CHRISTIAN ANTINOMY IN MODERN SPIRITUAL POETRY

© L. N. Tatarinova

Kuban State University

149 Stavropolskaya Street, 350040, Krasnodar, Russia.

Phone: +7 (918) 273 22 57.

E-mail: tatarinova.lyuda@yandex.ru

The problem of the article is based on a long tradition of studying the category «antinomy» in the history of philosophy from antiquity until the early twentieth century. Antinomical thinking has particular importance for the spiritual life in the 20th century. The author draws attention to the fact that, for example, in the poetry of Thomas Stern Eliot antinomies and paradoxes are of philosophical and religious nature especially in then dealing with questions of reaching the Truth by rational way exclusively. The basic material for studies are the works of modern Russian poets Olesya Nikolaeva, Sergei Kruglov, Timur Kibirov, Olga Sedakova and Helen Schwartz. It is shown how moral and philosophical themes and descriptions of the spiritual lives of the characters associated with the interpretation of ideas of compositions in the form of antinomies. The idea of the influence of the antinomies of thinking on aesthetics and system of images of Russian poets verses is justified. Article reveals the originality of each of the poets whose poems are analyzed in the work. The author concludes that modern poetry gives traditional antinomies personal psychological nature, but at the same time, problems and poetics of paradox are in tune with thinking of twentieth century as a whole - with its disastrous spirit, full of doubt and contradiction.

Keywords: *antimony, paradox, spiritual poetry, spiritual values, Christianity, Savior, irony, catastrophism, philosophical poetry, opposition, aesthetics, poetics.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Tatarinova L. N. Christian Antinomy in Modern Spiritual Poetry // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 1. Pp. 45–60.

REFERENCES

1. Grigorii Bogoslov. *O lyubvi k bednym*. URL: http://mystudes.narod.ru/library/g/greg_naz/slova/14.htm
2. Grigorii Nisskii. *Ob ustroenii cheloveka*. URL: <http://www.pages.ru/Isn/0028.php>
3. Dionisii Areopagit. *Misticheskoe bogoslovie*. URL: http://lukashevichus.narod.ru/2Hristianstvo/Areopagit_Misticheskoe Bogoslovie
4. Donn Dzhon. *Stikhi [Verses]*. Kishinev, 1998.
5. Kruglov S. *Narodnye pesni [Folk Songs]*. Moscow, 2010.
6. Kibirov T. *Greko- i rimsko-kafolicheskie pesenki i poteshki [Greek and Roman-Catholic Songs and Nursery Rhymes]*. Moscow, Vremya, 2011.
7. Nikolaeva O. URL: <http://nikolaeva.poet-premium.ru>
8. Podrezova N. *Kontseptsiya cheloveka v poezii O.Sedakovoi. Antropologicheskii aspekt: avtoref dis. ...kand. filol. nauk. Irkutsk, 2003.*
9. Rodnyanskaya I. *Novyi mir*. 2011. No. 3–4.
10. Sedakova O. *Stikhi iz raznykh knig*. URL: <http://modernpoetry.ru/main/olga-sedakova-stihi-iz-raznyh-knig>
11. Tertullian. *O svidetel'stve dushi*. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/tertullian_tl.htm
12. Uellek R., Uorren O. *Teoriya literatury [Theory of Literature]*. Moscow: Progress, 1978.
13. Florenskii P. *Stolp i utverzhdenie istiny [The Pillar and Ground of the Truth]*. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1990.
14. Khersonskii B. *Narodnye pesni*. Moscow, 2010.
15. Shvarts E. *Pesnya ptitsy na dne morskoy*. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts.html>
16. Eliot T. S. *Stikhotvoreniya i poemy [Verses and Poems]*. Moscow, 2000.

Received 15.11.2013.